

О. И. Кобелева

ПРИЕМЛЕМОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ «МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»

Статья посвящена логике дискурсивного функционирования выражения «массовая культура», а также принципиально новой ситуации для понимания таких понятий, как субъект, другой, становление, ответственность, которую создает признание массы в качестве преимущественного носителя культуры в капиталистическом обществе. Массовая культура рассматривается в качестве присущего социальному полю способа манифестации, использующего означающее культура в качестве легитимирующего те практики производства социальных значений и образов, которые не обогащают понятие культуры, а, напротив, ведут к устранению смыслополагания как основания функционирования понятия.

Ключевые слова: масса, массовая культура, социальное, культуриндустрия.

О. Kobeleva

On the Acceptability of the Term “Mass Culture”

The article concerns the logic of the discursive functioning of the expression ‘popular culture’, and the entirely new context for the understanding of such concepts as ‘subject’, ‘other’, ‘becoming’, and ‘responsibility’; which turns the recognition of the masses into the leading carrier of culture in a capitalist society. Mass culture is assessed as a characteristic of the means of manifestation in the social sphere, using the signifier of culture as a legitimization of those practices of production of social meaning and imagery, which do not enrich the concept of culture, but, quite the opposite, lead to the elimination of the establishing of its meaning as the basis of the functioning of concept.

Keywords: mass, popular culture, social, culture industry.

Помимо того, что существует огромное количество значений слова «культура», понятно, что новые культурные практики способны породить еще и новые смыслы. Однако существует и другой процесс, благодаря которому слово, введенное в определенный контекст, выходит за границы принятого употребления: в этом случае принципом словоупотребления становится использование символического потенциала слов, чья

коннотационная насыщенность способна придать привлекательность тому, что само по себе ее лишено. Такое абсурдное с точки зрения смысла словоупотребление приводит не к обогащению значений слова или понятия, а, напротив, к рассеиванию его как значимого элемента культурного поля.

Значимым в тотальном распространении этого процесса представляется приравнивание и сведение текста к информации.

Режим существования информации совпадает с ее актуализацией. Информация не имеет виртуального измерения, обратной стороны, глубины — она существует целиком на поверхности. Поэтому информация не выстраивается в нарратив — она либо актуальна, либо не существует. Ее реальность — это реальность голого факта, информировать — значит ставить перед фактом, сообщать о положении вещей, вводить в курс дела. Все это означает — исключать измерение времени. Информация принадлежит только моменту настоящего, ей не присуще «летописное» измерение, она не исторична. И, в некотором роде, она демонстрирует не только конец истории как осмысляющей записи, регистрации событий, наррации, но и конец времени.

Присущее капитализму раскодирование потоков, о котором пишут Делез и Гваттари («Капитализм и шизофрения: Тысяча плато»), по отношению к тексту приобретает значение тотального обращения текста в информацию — поток знаков. Кодированные потоки конвертируют энергию, только наделяя ее социальным смыслом, т.е. придавая ей вербализуемый статус, включая ее в структуры смысловых кодов. Раскодирование потоков позволяет энергии существовать в форме недифференцированного, произвольно фрагментируемого потока. Благодаря этому значимость информативного потока определяется аксиоматически, через ее «нарезку», осуществляемую средствами передачи информации. Значимо не содержание передаваемого сообщения, а то, каким образом оно актуально встраивается в социальную машину, какова его способность производить и продолжать общее движение потоков, продуцировать и направлять социальное желание. М. Маклюэн выразил это знаменитой формулой: «Средство сообщения есть сообщение». Функция прояснения смысла для текста оказывается излишней, избыточной, вечно отложенной, поскольку расшифровке-использованию подлежит в первую очередь не значение пе-

редаваемого текста, а процесс его трансляции и ретрансляции, его координирующая сила в социальном поле. И поскольку информационный поток должен быть непрерывным, отложенность смысла постоянно соприсутствует.

В силу этого любые информационные блоки могут сочетаться друг с другом независимо от их содержания: «Неисчерпаемая “емкость” средств массовой информации основана на их стиле “простого арифметического сложения”. Поскольку они установили для себя нулевой уровень мысленного проникновения в то, о чем они сообщают, они могут давать все и говорить обо всем, и все это опять-таки только по одному разу. У них есть только один-единственный интеллектуальный элемент — союз “и”. С помощью этого “и” можно поставить буквально все по соседству со всем... Mass media могут говорить обо всем, потому что они окончательно отбросили тщеславную идею философии — понять то, о чем говорится» [4, с. 349].

Благодаря такому способу существования языка, в котором с легкостью соседствуют не связанные друг с другом понятия, мы имеем, в частности, такое выражение, как «массовая культура», которое, по сути, является оксюмороном.

Приведем отрывок из «Восстания масс» Ортеги-и-Гассета: «Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы и второе — врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад — избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат... Баловать — это значит потакать, поддерживать иллюзию, что все дозволено и ничто не обязательно. Ребенок в такой обстановке лишается понятий о своих пределах. Избавленный от лю-

бого давления извне, от любых столкновений с другими, он и впрямь начинает верить, что существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а главное — никого не считать лучше себя» [3, с. 73].

За этой психологической характеристикой можно отметить специфику манифестации массы в ракурсе ее смыслополагания. Для нее действительно не существует пределов, не существует Реального, не существует фигуры Другого. Любая возможность различия вытеснена тотальностью массы. Вера массы — в то, что пустоты нет, нет зазоров между потоками информации, бесконечной циркуляцией слаженных технических механизмов и единой массой вовлеченных субъектов в бесконечном настоящем времени конца истории.

Бодрийяр так характеризует массу: «Массы не являются референтом, поскольку уже не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя — их зондируют. Они не рефлектируют — их подвергают тестированию» [1, с. 26]; «Рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьёзного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью. Массы — это те, кто ослеплён игрой символов и поработён стереотипами, это те, кто воспримет всё, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным. Не приемлют массы лишь «диалектику» смысла» [1, с. 14–15]. Желание массы равно социальному желанию капитализма, это манифестация капитализма как машинерии желания, имеющей сходство с шизофренией: непрерывный процесс распада традиционных кодов, произвольные разрезы раскодированных потоков, соединения элементов различных потоков... Образы, вещи и слова массой объединяются в аксиоматически утвержденную серию, не кодируемую значением или смыслом индивидуальной судьбы. И, в конечном счете,

масса является манифестацией «капитализма как кошмара всех предшествующих культур», по выражению Делеза и Гваттари, поскольку с массой все «дело в их внутренней потребности, экспрессивной и позитивной контрстратегии, в работе по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального» [1, с. 15].

Как указывал В. Беньямин в своей известнейшей работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», техническое воспроизводство образа устранило принцип подлинности, смысл «здесь-и-сейчас» присутствия воспринимающего. Восприятие массового образа рассеивает смысл личности, подменяя ее потенциально везде присутствующим массовым реципиентом. Однако такое «езде» выявляется по существу как «нигде целиком и по существу», нигде мое «я» не присутствует в качестве берущего на себя ответственность за свое присутствие, за свое настоящее, поскольку это настоящее не «мое», а «мое так же, как и любого такого же». Ответственность за бытие передоверяется образу, произведенному как перцепт не мной, не через уникальность моего присутствия, и это передоверие анонимно подтверждается однородным множеством безличных со-реципиентов. Необходимость ответственности за свое настоящее (рефлексия) устраняется, сменяясь дистанцией между «мною в образе», «мною, произведенным образом», и (уже не) моим здесь-и-сейчас, той точкой моего нахождения, из которой я в образе выпадаю.

Другими словами, можно выделить два принципиальных момента для так называемой массовой культуры.

Во-первых, в то время как внутри любой культурной формации существуют определенные нормы и для каждой из этих формаций то, что выходит за рамки нормального, может быть выше или ниже норм культуры, быть ей во вред либо превосходить ее в своей уникальности (т. е., наряду с преступлением допускается и признается существо-

вание и гениальности, и святости), маскульт не допускает представления о соприсутствии иного как лучшего: все иное, все, отличное от нормы, — по определению, хуже.

Во-вторых, манифестация субъекта в качестве массы не подразумевает того, что я — такой же, как другой в том смысле, что я, наряду с другими, являюсь одним из членов сообщества. Масса — это не «я такой же», а «я — тот же самый». Внутри этой позиции различие устраняется принципиально как возможность; формула Рембо «Я — это другой», выражающая сущность как межчеловеческого, межсубъектного общения, так и личностного становления, здесь больше не работает.

Само понятие другого приобретает отчетливые негативные коннотации, определяя поле социального страха: другой — враг, несущий угрозу непосредственно в силу своей инаковости, своего отличия. Другой как тот, кто ограничивает мою свободу, становится в массовом сознании неприемлемым: мое движение как члена общества должно быть беспрепятственным и беспребойным. Другой в рамках социального поля — это «плохой объект», требующий приведения в соответствие с общей логикой социального функционирования.

Так называемая «массовая культура» возникает на основании представленности социального как функционального перераспределения остатков уходящего в прошлое символического: «Символическая интеграция заменяется функциональной, и функциональные институты берут на себя ответственность за остатки символической дезинтеграции... Заполнивший собой все, ставший универсальным и получивший статус реальности остаток рассеивания символического порядка — это и есть социальное... В данном случае сегодняшняя ситуация такова, что мы все дальше погружаемся в социальное, то есть в сферу чистых отложений, в пространство, заполненное мертвым трудом, мертвыми, контролируруемыми бюрократией связями, мертвыми языками и

синтагмами (что-то мертвое, что-то от смерти есть уже в самих терминах «отношение» и «связь»). Безусловно, теперь нельзя говорить, что социальное умирает — отныне оно есть аккумуляция смерти. Мы действительно принадлежим цивилизации сверхсоциальности и в то же время исчезающего и неуничтожимого остатка, захватывающего все новые территории по мере того, как социальное расширяется... Если социальное есть всего лишь остаток, оно уже не является местом процесса развития или позитивной истории, оно оказывается теперь только пространством нагромождения и расчетливого руководства, осуществляемого смертью» [1, с. 80–83].

Социально признанная, означенная в качестве таковой культура в этом случае выполняет двойственную роль. С одной стороны, она является тем символическим остатком прошлого, который служит источником энергии для расширяющегося социального; с другой стороны, в уже интегрированном виде «культура» становится одной из институций, курирующей соответствующую сферу социального и действующей по его законам. Словосочетание «массовая культура» несет в себе оба эти значения: как означающее «культура» в данном случае отсылает к предполагаемой культурной традиции, чья бесспорная ценность призвана обеспечивать и подтверждать ценность практик, подписывающихся этим означающим. С другой стороны, как означаемое культура оказывается ничем иным, как способом социальной интеграции, адаптации субъектов, в конечном счете, их десубъективации в функционировании социальной машинерии. Вспоминаются слова М. Хоркхаймера и Т. Адорно: «Изначально сродство бизнеса и развлечения обнаруживает себя в специфическом предназначении последнего: в апологии общества. Быть удовлетворенным означает быть согласным. Это становится возможным только благодаря герметической изоляции от социального процесса в целом, оглуплению и прежде всего

абсурдному отказу от неотъемлемо присущего любому, даже самому ничтожному произведению искусства притязания: быть в своей ограниченности рефлексией целого. Получать удовольствие всегда значило: не сметь ни о чем думать, забыть о страдании даже там и тогда, где и когда показывают его. В основе его лежит бессилие. Оно действительно является бегством, но не, как утверждает оно, бегством от скверной реальности, а от последней мысли о сопротивлении, все еще сопровождающей бегство от реальности. Освобождение, обещаемое развлечением, является освобождением от мышления равно как и от отрицания. Наглое бесстыдство риторического вопроса «Чего еще нужно людям!» заключается в том, что он адресован как мыслящим субъектам именно тем самым людям, отучить которых от субъективности является его специфической задачей» [5, с. 181].

Встроенность «массовой культуры» в тело социального, исчерпываемость значений «массовой культуры» социальными стратегиями и практиками, не предлагаемая и не предполагаемая ею возможность чего-либо иного: «ибо всякий человек является моделью гигантской экономической машинерии, изначально и постоянно, и в ситуации труда и в ситуации ему подобного отдыха удерживающей всех в напряжении. Из любого звукового фильма, из любой радиопередачи может быть почерпнуто то, что в качестве социального эффекта не может быть приписано никому в отдельности, но только всем вместе. Каждая отдельно взятая манифестация культуриндустрии безотказно воспроизводит человека как то, во что превратила она его в целом. Надзор за тем, чтобы процесс простого воспроизводства духа случайно не привел к расширенному его воспроизводству, осуществляется всеми ее агентами» [5, с. 158]; «Культуриндустрия злокозненно реализует человека в качестве родового существа. Каждый есть только то, посредством чего способен он заменить любого другого: взаимозаменяемое, экземп-

ляр. Сам он, как индивидуум, есть нечто абсолютно заменяемое, чистое ничто, и именно это начинает чувствовать он, когда с течением времени утрачивает подобие» [5, с. 182].

Тотальность массовой культурной индустрии показывает неуместность дихотомии массовой/элитарной культур в качестве альтернативных культурных стратегий. Являясь способом манифестации социального поля, масса не оставляет пустых мест, избавленных от связности с общими потоками массовых конвертаций. Поэтому любая попытка отстранения в качестве приверженца «немассовой, элитарной культуры», игнорирование «культуры массовой» оказывается фиктивной. При утверждении такой дихотомии проблемой оказывается не качественное различие «продуктов» культуры, позволяющее обозначить их маркером «массового» либо «элитарного», а способность культуриндустрии усваивать и находить место для любой дифференцирующейся стратегии. «Элитарному» присваивается собственная ниша внутри социального пространства, на его основании вырабатываются новые траектории потоков производства. Именно потому, что массовость представляет изначальный способ присутствия и манифестации, присущий современному социальному пространству, стремление к непричастности, выраженное оппозицией массовое/немассовое, оказывается одним из образов непризнания собственного события — события присутствия в этом социальном пространстве и необходимости иметь дело с ним как с исходной ситуацией, требующей разрешения, а не отстранения, требующей ее осмысления и проговаривания. Возможность проблематизации поэтому возникает с вопроса о том, насколько в современных условиях возможна альтернатива на уровне языка высказывания, принимающего либо не принимающего само выражение «массовая культура» в качестве дискурсивно приемлемого. Приемлем ли дискурс, следстви-

ем которого оказывается невозможность поставить вопрос о подлинности собственного бытия, внутри которого провал между мной и моим вопросом о бытии не появляется в результате забвения мной бытия, соскальзывания в повседневность, а присутствует изначально как моя единственная возможность? Приемлем ли дискурс, внутри которого расширение смысловых границ понятия сменяется размыванием и уничтожением любых границ, основанных на смысло-различии?

Сама постановка этого вопроса создает размыкание внутри социально предзаданных траекторий языка, принуждая начать с некоей бесосновности, неподтвержденности предположения о возможности иного. Высказывание тем самым обязывает к готовности встречи с вопросом «кто говорит?», готовности поставить под вопрос собственную идентичность, к переходу от логики массы как пассивного субъекта высказыва-

ния к логике имен, к логике индивидуальной ответственности.

В пространстве массовой коммуникации готовность вести речь от собственного имени — значит иметь возможность усомниться в незыблемости того, что в языке имеет статус очевидного, движения избегания, предохраняющего от анонимного следования порядку языка. Оно предоставляет опыт раздвоения в качестве адресата: приказ со стороны безусловного обращен ко мне в моей анонимности внутри тотального языка, в то время как имя принуждает меня к абсурдному неверию самому порядку языка. Высказывание от собственного имени ведет к созданию мест разрывов внутри тотальной заданности языка массовой коммуникации; по отношению к социальному оно стремится стать революционным, т.е. создавать конкретные точки трансгрессии, которые необходимы для отвоевывания символического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды: М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. 700 с.
4. Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.

REFERENCES

1. Bodrijjar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 96 s.
2. Delez Zh., Gvattari F. Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija. M.: Astrel', 2010. 895 s.
3. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass // Izbrannye trudy: M.: INFRA-M; Ves' Mir, 2000. 700 s.
4. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 584 s.
5. Horkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosveshchenija. M.; SPb.: Medium; Juventa, 1997. 312 s.